

ПрозА

Маргарита ПРОХАР

Осень в Вильнюсе

Повесть

«Скоро осень. Осенью меня тянет в Вильнюс. Я все время вспоминаю об этой истории. Наверное, я не смогу ее забыть никогда, если столько времени прошло, а я ее не могу забыть. В сущности, моя жизнь – а только за нее я могу отвечать, – это путь от одной истории к другой. Но если остальные со временем теряют краски и чувства, постепенно растворяясь в глубине памяти, то эта никогда не покидает меня, когда снова приходит осень.

И я поддаюсь ей, я еду в Вильнюс.

Города и истории...истории и города...истории городов в истории моей жизни, истории людей и моя история в истории городов. Вот как я могу запутать, в сущности, пустыми словами, игрой этих слов. Может, я это делаю оттого, что мне трудно начать свой рассказ. Я теряюсь перед этим белым листом бумаги, на котором мне нужно вывести такие слова, как любовь, надежда, встреча, отчаяние, жизнь и смерть. И для начала вывожу что попроще. Просто:

Осень в Вильнюсе...»

Вот первые слова, которые поразили меня, когда я открыла этот маленький зеленый блокнот. Впрочем, они и теперь не оставляют меня в покое, эти слова. И не только они, но и все то, что произошло с приходом этой осени.

Вначале, наверное, стоит пояснить, кто я. Это имеет смысл еще и потому, что с этого началась и вся история: и зеленый блокнот, и любовь многих людей, и знакомство с продавцом счастья на старой вильнюсской улице, и сам Вильнюс для меня, и, наконец, – эта осень в Вильнюсе...

Итак – о себе, о том, чем же я занимаюсь. Правда, моя профессия не предполагала никакой романтики, пока не появился кто-то, который увидел в ней свой смысл. Вообще, я занимаюсь тем, что нахожу утерянные вещи, утерянных кошек и собак. То есть ищу все, что теряют люди. А теряют они бесконечно. С одной стороны, это плохо, с другой – это мой заработок. Так я зарабатываю себе на жизнь. Такая у меня работа. Иногда – скучная, иногда – смешная, иногда многому учит меня: видеть мелочи, делать выводы из скудных фактов и чужих слов. И когда дорого перебежит черный кот, я, наверное, буду единственным человеком, кто в этот момент подумает: а может, он потерялся?

Вот так я постепенно подхожу к тому дню. Это был обычный день начала осени. Дворники сгребали листья, еще мокрые от утренней росы. Их грабли и лопаты ударили об асфальт, словно играли похоронный марш упавшей листве, и охапки желтых листьев были похожи на памятники осени. Один из них желтел у дверей моей конторы. Привычно поскрежетав ключом, я со второй попытки открыла дверь в темный коридор. Ну вот и мой кабинет. Посетителей в это время обычно не бывает, но все же я прихожу рано: а вдруг? Или, может быть, я придумала это для себя, чтобы создать иллюзию дела – раннее рабочее утро, вовремя открытая дверь согласно табличке на ней. Я знала, что это иллюзия, но все равно приходила сюда с утра. Хотя и теперь вот буду маяться до обеда – ждать и читать книгу. Я уже достала ее из ящика стола и открыла на вчерашней недочитанной странице, как вдруг раздались шаги и вошел посетитель.

Меня сразу поразил контраст его дорогой одежды и дешевого потертого ковра моего кабинета. Впрочем, это все равно не подвигло бы меня на ремонт: я не считала, что такое занятие, как ловля кошек и собак требует роскошных апартаментов.

– Присаживайтесь, – я указала ему на скромный ряд кресел у стены.

Он молча взял стул и перенес его ближе к моему столу.

Вообще-то я предпочитала, чтобы лавина жалоб и слезных просьб о помощи любимым четвероногим друзьям доносилась ко мне издалека, но на этот раз мне пришлось смириться. Впрочем, мой посетитель не был настроен на истерику. Наоборот, его взгляд, обращенный ко мне, был холоден и серьезен. Передо мной сидел деловой человек, вполне обеспеченный, судя по одежде и – больше – по спокойному властному взгляду. На вид ему можно было дать лет сорок. Внешность ничем не примечательная: короткая стрижка начинающих седесть волос, чуть полноватое в щеках лицо, нос с легкой, невыразительной горбинкой. Но при взгляде на него у меня возникло ощущение, что он не чувствовал связи между своим обликом и собой, внутренним. Это странное ощущение. Оно возникает при взгляде на людей, которые почему-то недовольны собой.

Так я рассматривала его, пока он доставал что-то из своей папки. Наконец он поднял на меня глаза. Он смотрел в упор. Это было необычно: люди часто не замечают тех, кому платят за работу. Для них они – безлики. Этот смотрел в упор. Взгляд его был по-прежнему серьезен и спокоен, но я снова поймала себя на ощущении, будто на меня глядит другой – внутренний человек, человек далекого прошлого.

– Итак, вы что-то потеряли? – спросила я, прерывая этот взгляд в упор.

И он, услышав вопрос, вдруг быстро опустил глаза, будто его поймали на чем-то недозволенном. Причем не этого делового серьезного человека, а какого-то внутреннего, далекого.

– Да, – собравшись с мыслями, сказал он. – Я хочу попросить вас найти одну девушку.

Впрочем, чего-то такого я от него и ожидала.

– Но я не ловлю людей. Моя профессия – кошки, собаки, бумажники, наконец. – Казалось, он не слышит меня. – Может, у вас пропала кошка? Или хомячок?

Он усмехнулся:

– Нет. У меня нет ни хомячка, ни кошки. А раз их нет, они не могли пропасть. Поэтому давайте забудем о кошках и хомячках.

Он положил на стол деньги:

– Достаточно на первые расходы в Вильнюсе?

– Где?!

– В Вильнюсе, – спокойно повторил он. – Вам нужно будет поехать в Вильнюс, чтобы найти эту девушку.

– Но я не ловлю людей... – я попыталась ему еще раз это объяснить.

– А я и не прошу ее поймать. Только отыщите ее и передайте вот этот зеленый блокнот.

Он положил зеленый блокнот рядом с пачкой денег, которой хватило бы на полугодовой отдых в Испании, не то что в Вильнюсе.

– Теперь я объясню вам некоторые детали.

– Но ведь я еще не согласилась?

Похоже, мои слова удивили его.

Он посмотрел на меня – оценивающе, холодно. Теперь это был взгляд только делового человека. Крокодила, которому на зуб попала мошка.

Я вздохнула и посмотрела на старые занавески, на часы, пробившие девять утра – утра, которое я могла бы провести и получше, если бы не работа. И еще... В этом мне было бы труднее всего признаться...

– Ну так что же вы решили? Вы едете?

– Да, еду, – сказала я и вдруг почувствовала, что это ответила не я, а тоже – человек прошлого. Тот человек из прошлого, который живет в каждом из нас – невидимый в настоящем и обыденном, просыпающийся лишь с нашими воспоминаниями.

Мужчина протянул мне фотографию. Это была любительская съемка. Парни и девушки, обнявшись, стояли полукругом и улыбались в камеру. Среди них выделялась одна. Она была маленькая, меньше всех, с длинными светлыми волосами и необычайно яркими голубыми глазами на худощавом лице. Но и не это выделяло ее среди всех остальных. Главной была улыбка. Ее трудно передать: что-то особенное в лице, глазах, линии губ. Казалось, она вся излучала эту улыбку, которая и освещала всю фотографию.

– Это она? – спросила я.

– Да.

– Очень красива.

– Она странная, – вдруг сказал он.

– Все люди чем-то необычны.

– Нет, она именно странная. Вы убедитесь сами, если найдете ее. Она – как птица.

– Что ж, тогда это действительно моя работа. Искать птиц. Искать кошек.

Он улыбнулся, пожал плечами и ушел, немного сутулясь, как все люди высокого роста.

Так я оказалась в Вильнюсе, чтобы отыскать эту странную девушку – чью-то чужую любовь.

За что только люди не платят деньги... Впрочем, бывает и так, что, перебирая в памяти свою жизнь, вдруг поймешь, что важнее всего на свете для тебя какая-нибудь старенькая зажигалка, подаренная десять лет назад – еще и теперь теплой, любимой рукой...

Так размышляя, я вышла с платформы в город. Наверное, этими мыслями я старалась убежать от того, что может теперь произойти в моей собственной памяти, когда я увижу – да, снова увижу этот город...

На мгновение я закрыла глаза, готовясь к этой встрече. Интересно, что изменилось здесь за эти пару лет? И готова ли я увидеть эти изменения?

Секунда, вторая, третья...

Что ж, как в детстве – на счет три.

И я открыла глаза.

Нет, ничего, ничего здесь не изменилось, на этой старой привокзальной площади. Те же бело-красные троллейбусы, остановка на том же месте, те же киоски стоят, прижавшись к серым домам, и с тех же самых деревьев сыплются срываемые осенним ветром, желтые листья...

«Ну здравствуй, старый город...» – мысленно говорю я. Как все, кого не покидает надежда, что города, хоть на несколько лет определившие твою судьбу, помнят тебя. Может быть, потому, что и мы, в общем-то, помним их.

Я медленно направилась по узкой улице, уводившей меня от вокзала. Здесь особенно чувствовалась осень. Она спала на рыжей траве высокой насыпи, за которой начиналась железная дорога, спала, укрывшись листьями, и, видно, ей было холодно, поэтому она еще и еще укрывала себя листьями. И деревья жалели свою красавицу-осень – отдавали ей последние, самые роскошные наряды.

Свернув во дворик, я поднялась по каменной лестнице на небольшой холм, из которых, собственно, и состоит этот старый город.

Над серыми домами с красными крышами летели желтые листья. В этой картине не было ничего особенного, но мне почему-то стало вдруг и грустно, и светло на сердце.

Мимо, внизу, шли люди. Они не замечали меня – с вершины холма рассматривающую город, в котором они живут.

Пару лет назад я не могла бы и подумать, что когда-нибудь вернусь сюда. И приеду не для того, чтобы вспомнить прошлое, а для того, чтобы разыскать одну чужую странную девушку – чью-то любовь.

И, как бы это ни казалось странным, но это так и есть.

А раз так и есть, мне пора заселиться в какую-нибудь гостиницу и подумать, как мне действовать дальше.

Через полчаса я уже входила в вестибюль гостиницы «Каролина». Мой номер был на пятом этаже. Открыв шторы, я снова увидела Вильнюс – осеннее небо над

домами и – в легком предвечернем тумане – острую иглу телевизионной башни. Словно шея серого журавля, она пробивала пространство над городом, тянулась ввысь, в далекие глубины, куда не достает запах осени – листьев, рыжей травы и мокрых от тумана веток, пропахших дымом последних костров...

Тогда... Впрочем, эта осень не должна иметь ничего общего с той моей осенью в Вильнюсе. Теперь у меня есть просто чужая осень, чужой зеленый блокнот и фотокарточка чужой странной девушки, которую мне нужно найти.

– А если я не смогу ее найти? – спросила я тогда.

– Нет, вы ее найдете. Обязательно найдете, – твердо сказал этот мужчина.

– Почему вы так уверены во мне? – удивилась я.

Он ничего не ответил. Только молча смотрел на меня – твердо и не мигая. И я не решилась опять задать свой вопрос.

И теперь мне нужно с чего-то начинать.

И только я подумала об этом, как раздался телефонный звонок.

– Добрый вечер.

Я вздрогнула: это был он, мой работодатель.

– Как вы меня нашли?

– Это неважно. Блокнот при вас?

– Да... Но все же – как вы меня нашли?

– Неважно. Откройте блокнот, последнюю страницу. Прочитайте и не уходите из номера. Я вам скоро позвоню. А чтобы было меньше вопросов, не отключайте свой мобильный.

Итак, он опять не ответил. Похоже, он делает лишь то, что ему нужно.

Я открыла последнюю страницу.

«Мы мало где бывали с ней. Иногда я приглашал ее, но она отказывалась. Иногда звонила сама. Иногда я просто шел туда, где она могла быть. Просто посмотреть на нее. Она не видела меня, зато я ее видел.

...кафе. Она бывала здесь с подружками – перелетными птицами, как сама, любительницами повеселиться и забыть на следующий день об этой встрече. Момент – не более. Она такая – вся из моментов.

...в старом городе у башни Гедиминаса. Когда ей грустно, она взбирается туда, на высоту, откуда виден весь город. Взбирается на башню и курит, хотя это запрещено. Или именно потому, что это запрещено. Она такая.

...кинотеатр «Forum Coca-cola Plaza». Она любит смотреть мистические или приключенческие фильмы. Мы смотрели с ней «Ключ». Она вцепилась в подлокотник кресла: ей было страшно. Но ей это иногда тоже надо – испугаться, чтобы легче жить в реальности. Так она говорила. Она такая.

...в пиццерии в «Forum». Любила заказывать не пиццу, а рассыпчатый пирог и коктейль с клубникой. Но пиццу она тоже любит. И очень. Иногда днями только ею и питается. А в «Forum» ее не заказывает, хотя там отличная пицца. Почему не заказывает – не знаю. Она мне не ответила. Она такая.

...любит ходить в модные магазины, любит выбирать, хотя и нет денег. Я хотел ей купить что-либо в подарок, но она мне это запретила. Вот и такая она.

...книжный магазин. Бродит у полок с книгами, но покупает только веселые открытки. Говорит: дома книги навевают грусть, а вот открытки – наоборот. От них стены становятся пестрыми и веселыми. Так она считает.

...клуб. Все старались сделать ей что-то хорошее. Она награждала их смешными и зажигательными танцами. Она любила танцевать и в танце словно забывала все – себя, жизнь вокруг. Она погружалась в мир движений, отдавая ему всю себя. Может быть, она любила танцевать именно поэтому. Потому, что в танце ей удавалось убежать от всего. Мне кажется, она постоянно пыталась убежать от чего-то очень грустного внутри себя, что не давало ей покоя...»

Я закончила читать и задумалась. Да, она не проста, и живет одной ей понятной жизнью, и выбрала эту жизнь по одной ей известным причинам.

Зазвонил телефон.

– Это вы? – Впрочем, можно было не уточнять.

– Да. Вы прочитали?

– Прочитала.

– Хорошо.

– Завтра отправляйтесь в «Fogum».

И он положил трубку, ничего не объяснив. Похоже он собрался мной руководить. Впрочем, мне было уже все равно. Я вдруг почувствовала, что устала: от своих воспоминаний, от тщетных догадок.

Утром я была в «Fogume».

И только я вошла туда, как зазвонил мой телефон:

– Где вы?

– Я на месте.

– У вас грустный голос.

Я промолчала.

– Ладно. Не буду утомлять ненужными разговорами. Вы взяли билет?

– Да. До сеанса полчаса.

– Идите в пиццерию.

– Я могу подождать и на улице.

– Нет, идите в пиццерию.

– Это так важно?

– Да, это важно. А почему вы не хотите идти туда?

Что я могла ему ответить? У каждого свои воспоминания. Странно лишь то, что места наших встреч совпали. Но не думаю, что об этом ему было бы интересно узнать.

...Тогда тоже был дневной сеанс. И тоже пришлось ждать, когда он начнется. Ждать в пиццерии... Вот даже тот столик с красивыми плюшевыми диванами свободен.

– Я уже в пиццерии. Заказала пирог и коктейль с клубникой. Я угадала – сделала так, как вы хотели?

– Да.

Через пять минут принесли мой заказ. Я достала фотографию.

– Эта девушка появлялась у вас?

– Нет, я ее не видела, – ответила молоденькая официантка.

– Простите, вы не могли бы показать эту фотографию другим служащим? Может быть, кто-то узнает ее? – попросила я.

– Вы из полиции?

Я улыбнулась.

– Неужели я похожа на полицейского? Нет, я не из полиции. Просто эту девушку ищет друг. Они долгое время не виделись, но однажды обедали здесь.

– Хорошо, – официантка взяла фотографию и вдруг, еще раз бросив на меня взгляд, сказала: – А вот вас я хорошо помню. Год назад я обслуживала столик рядом: принесла пищу и коктейль одному молодому человеку, но вдруг на его столик прыгнула чья-то собака, опрокинула коктейль, испортила скатерть. Вы меня выручили: позволили «пострадавшему» присесть за ваш стол.

...Да, это было. Так мы познакомились.

Воспоминания нахлынули на меня и закружили, словно в осенней карусели, где путалось все – слова и листья...

«...– Разрешите, я пересяду к вам? Мне всего лишь десять минут подождать до сеанса. – Извиняющийся жест, немного детский. И улыбка. Улыбка уверенная. Эта дисгармония привлекла меня.

– Мне тоже десять минут. Садитесь.

– И вы на этот фильм? – он назвал его.

– Да.

Мы вместе смотрели фильм. Потом вместе вышли из зала, потом ждали такси...

...bet kuria valanda

bet kurioie vietoie

bet kas is musu

bet kuria kaina...

– Я не знаю литовского, но звучит красиво. Ваши стихи?

Он вдруг рассмеялся:

– Вы подумали, это стихи на литовском? Нет.

– А что же это?

– Это грамматика. Местоимение «любой». И его формы. Вот как это переводится:

...в любой час

в любом месте

любой из нас

любой ценой.

Хотя, действительно, даже в переводе получаются какие-то стихи. Странные стихи... Дело в том, что я иногда люблю читать словари. И вот, когда нечего делать, бормочу странные вещи оттуда. Это моя ужасная привычка. Но вы единственный человек, принявший это за стихи».

...Теперь я вспоминаю это все, снова появившись здесь. Только никого нет за соседним столиком. Пусты красные плюшевые диваны, а в стеклянной пепельнице одиноко отражается разноцветный потолок...

На столе у меня снова появляется фотография. Это вернулась официантка.

– Эта девушка бывала у нас, но вот уже больше года никто ее здесь не видел.

– Спасибо.

Ну вот, первая неудача... Почему же это меня не расстраивает?

Меня охватывает странное оцепенение. Будто во сне, я смотрю на часы и замечаю: пора, скоро фильм. И так же сонно пробираюсь между столиками к выходу, пока одна фраза не ударяет меня, словно хлыстом:

– Я не могу ее бросить. Я знаю, что она не подходит мне, но я не могу ее бросить...

Я оборачиваюсь и вижу за спиной столик, где сидят парень и девушка. Сказав эту фразу, парень потом опустил голову и почти прошептал: «Я такой человек, что не могу сделать больно... Я не могу ее разлюбить. Почему – не знаю. Говорят, что есть любовь на всю жизнь: ты можешь быть с кем угодно, но понимать, что в твоей жизни лишь одна любовь. И только она пройдет с тобой через года. Будет с тобой в любое время, где и с кем бы ты ни был... Прости меня».

С этими словами он поднялся из-за стола и прошел мимо меня к выходу, к двери, еле заметной в разноцветных стенах. Я посмотрела ему вслед, и вдруг, словно ирония, разбежались, разлетелись на осколки в моих глазах разноцветные блики, чтобы стать словами:

*...bet kuria valanda
bet kurioie vietoie
bet kas is musu
bet kuria kaina...*

Любой из нас... Это значит: сегодня ты, а завтра – кто-то другой. Вот оно, вечное течение жизни. Ей все равно – кто. Любой. Любой продолжит ее и получит те же встречи, в тот же вечер или день, в том же городе, и будет жить и любить по своим правилам – светло или жестоко, случайно или навсегда. Любой из нас... Можно грустить, можно улыбнуться разноцветным клоунам на стенах...

Об этом я думала уже в почти пустом кинозале, когда смотрела фильм. Вернее, следила, как сменяются кадры. Я не смотрела фильм – может быть, это был мой маленький знак протеста.

Но он все равно позвонил мне – ровно через полтора часа, когда я уже выходила из «Fogima».

– Что еще? – спросила я.

– На сегодня ничего. До завтра.

Этого я не ожидала. Похоже, он не стремился перегружать меня работой.

Я оглянулась. Осень тихо плыла над Вильнюсом. А я просто бесцельно шла по одной из его улиц.

...Здания, высокие и серые, уходят в небо, затеняют узкие улочки, а в сочетании с очень редким золотом осени выглядят печально и холодно, пропуская через себя транспорт внизу. Крыши этих высоких старых зданий словно смотрят на бело-красные троллейбусы и людей.

Впрочем, есть и новые здания – из стекла. У них нет старинных красных крыш, и это мне почему-то не нравится. Они четкие и гордятся своей современностью. Они будто крадут у старых зданий остатки молодости, еще раз вместе с осенью излишне подчеркивая холод старости.

Нет, я не против осени в старом городе. Может быть, я слишком много замечаю из того, что не нужно. Я ведь давно здесь не была.

Нет, пожалуй, осень очень к лицу старому городу. Листья под ногами, в воздухе, всюду желтые листья и камни.

Сухая осень. Особенно она чувствуется в проулках, арках и дворах, где не успевают выметать листья, выгонять осень – грустную подружку старого серого камня.

Но не все так грустно.

Ведь есть еще солнце. Оно особенно ласково к этому городу, словно просит прощения за то, что скоро будет реже показываться в этих северных местах.

И мне вдруг снова захотелось увидеть его – продавца счастья, будто он мог исчезнуть с последними бликами осеннего солнца.

Год назад, в день нашего случайного знакомства, мы так и не дождались такси, а отправились бродить по старому городу. Там мы и встретили его – на одной из узеньких улочек, уходящих к парку, венчающему старый город.

«... – Десять литов за воздушный шар счастья! Взрослые и дети, грустные и смешные, маленькие и высокие, рыжие, лысые, умные, глупые, толстые, смелые, черные, белые!.. Воздушный шар счастья! Отправимся за счастьем?...»

– Отправимся за счастьем? – переглянулись мы и купили шар. Один на двоих. Ведь счастье может быть только одно на двоих...»

Интересно, встречу ли я сейчас продавца счастья?

Для этого мне нужно пройти через старый город.

Старый город – серпантин узких улочек с разноцветными домами. Осень – только вверху, на редких деревьях.

И вот знакомая улочка. На Totorio нет ни одного желтого листка, все убрано, словно время остановилось. Я огляделась: вон там, возле этого кафе он стоял. Но нет, сегодня здесь его не было. И мне вдруг стало грустно. Я вспомнила, как дома по утрам ловила на руку падающие желтые листья – на счастье. Ведь у меня больше не было воздушного шара старого продавца счастья, и я придумала свою традицию. И все же я верила, что я его еще встречу.

Но, видно, не сегодня...

И вот я снова бесцельно брожу по старому городу.

Арки – низкие, каменные, – за ними – обшарпанные зданьца, какие-то кастрюли на скамейке, рядом клумбы с осенними цветами. Кто бы мог подумать, что стоит сделать шаг в глубь парадно убранных улочек старого города – и ты увидишь другой мир.

А вообще, старый город – кусок пражского торта, маленькая Прага.

Когда устает бродить среди его разноцветного камня, можно выйти в парк, где сыплются на голову каштаны и метет ветренным листопадом. Появляется ощущение, что если долго стоять не двигаясь – тебя засыплет листвой. Шпокают, разбиваясь о предательски скрытые листвой асфальтовые дорожки, каштаны: им не дотянуть до земли, где они могли бы прорасти весной.

Осень, осень шумит в парке листопадом в солнечном свете.

Навстречу идут парень и девушка. Они держатся за руки, а на них сыплется листопад. И они счастливы.

И всюду осень, осень. Осень – холодная красавица среди старины.

Я сажусь за столик в кафе и открываю зеленый блокнот. Не знаю, почему я это делаю: ведь чужой блокнот не заменит продавца счастья. Я понимаю это, но

уже открываю наугад страницу, мысленно оправдываясь – мне ведь нужно понять этого человека:

«Иногда я иду по улице чужого города, вижу интересное здание и ловлю себя на мысли, что спрашиваю у тебя: «Понравилось?» Спрашиваю, словно ты идешь рядом. И я уже давно не одергиваю себя: тебя нет со мной, тебя нет... Скорее я просто закрываю глаза на то, что тебя нет. Даже допускаю, что ты есть, просто я тебя не вижу или ты просто на шаг отстаешь от меня, идешь медленнее, где-то там, за спиной. Так тебе удобнее, а я не настаиваю. Главное – чтобы ты шла рядом: зачем нам ссориться по пустякам? Иди так, как хочешь. Только иди со мной.

Мне так тепло, так хорошо думать, что ты со мной и что я могу у тебя спросить, увидев интересное здание в чужом городе: «Понравилось?» И не думать, что говорю это в пустоту.

Теперь я понимаю, за что люблю чужие города. Они позволяют вот так мыслить – свободно, как птица. В городе, котором долго живешь, не можешь настолько расслабить сознание и ходить по улицам с человеком, которого уже нет с тобой. То привычные здания, то знакомые люди словно отрезвляют тебя, будто холодный душ, возвращая в суровую реальность: словно кричат тебе в лицо – нет, нет, нет!.. Ее нет. Ее нет... Эхо этих слов способно разорвать сердце.

А чужие города холодны, но свободны для твоих фантазий. Они равнодушно говорят: заходи, посмотри, полюбуйся, помечтай и поброди с кем хочешь. Здесь много ходит чужих людей. Им нет дела до твоих фантазий. Им безразлично, с кем ты идешь: один, с тенью прошлого, с мечтой будущего. Они мудры, эти чужие для тебя города с вереницей незнакомых и таких разных улочек – задумчиво-тихий, из деревянных, а потом вдруг кирпичных домов, кичащихся высотой, каламбуром и кавардаком заборов и ограждений; старинные и новые – из которых выходят люди и снова ныряют в этот конвейер улочек, но уже других... Или нет – в чем-то похожих.

Люди... Я люблю смотреть на их лица, пока они не расплываются, не уходят... Счастливы они или нет? Умны или глупы? Грустят или смеются по вечерам?... Я знаю, что не найду точного ответа, но я смотрю. Опять смотрю и гадаю, пытаюсь угадать...»

И я не выдержала этих строк, этих одиноких мыслей, плачущих на белых страницах. Я медленно пошла по городу, и ноги сами несли меня в ту узкую улочку со старой брусчаткой. Было очень больно думать, и я шла и только смотрела, смотрела...

...Между старыми камнями – осень, то есть ее зажатые в запястьях руки – желтые листья. Хоть в этом нет смысла, но хочется их освободить.

...Дворики – тихие усталые оазисы звонкой вечерней тишины и осени. Облупившиеся краски на старых зданиях и эхо арок. А так это европейский город с красочными витринами и вывесками ресторанов и дорогих магазинов. Обычный старинный город, торгующий собой, вернее, своей стариной, остатками своей древности.

...Осень, как 100, 200, 300 лет назад, для этих стен не представляет ничего нового, но не для меня.

Листья летят над старым Вильнюсом. Я стою во дворике, обычном тихом дворике, куда еле долетает шум улицы.

Старушка – я это вижу – наблюдает за мной. А я все никак не могу уйти.

– Kas jus laukti? (Кого-то ждете?) – спрашивает она.

Действительно, кого и чего я жду в этом заметном осенью дворике?

Единственное, что я могу сказать:

– Воспоминания.

Она мудра, понимает, кивает головой. Ей это знакомо, а грустный взгляд не потому, что ее тревожат воспоминания. Нет. Она к ним привыкла, потому что осознает: она уже прожила жизнь. Она грустит, глядя на меня, жалея мою молодость, и потому я ухожу.

Я ищу чужую любовь, а вспоминаю свою. Может быть, мне все же не следовало соглашаться ехать сюда, да еще осенью. А может быть, поэтому я и согласилась – именно сюда и именно осенью.

...Это было давно. Но я так думала, когда была далеко отсюда. А когда я здесь, теперь, стою в этом дворике среди солнечно-желтой вильнюсской осени, мне кажется: ничего не заканчивалось. Сейчас откроется окно и знакомый голос крикнет:

– Palauke! (Подожди!)

И я жду. Смотрю на старые зелено-желтые деревья, на клумбочку у арки, через которую видны проезжающие троллейбусы; вверх – на кроны высоких кленов, на старые башни замка вдалеке, в солнце; вниз – на сухой ковер листьев у ограды соседнего – желтого, как осень, дома. Стою и жду, хотя ждать мне нечего. Но мне не грустно, мне странно тепло: это было... И это осталось – в светлой, как эта осень, памяти...

Образы приходят и уходят. Жизнь остается. Принимай ее не принимай – она остается такой, какая она есть, а не какой ее хотим видеть мы...

Я грущу, мне больно, и все же я понимаю, что никогда не вернусь и не верну то, что потеряно навсегда. А этот человек хочет вернуться. И я должна ему в этом помочь. И теперь, в этом маленьком дворике воспоминаний, мне вдруг стало жаль его, моего сильного работодателя. Мне впервые стало жаль его, и впервые я действительно задумалась, что же мне сделать, чтобы помочь ему.

Легкий желтый листок, сорвавшись с ветки, доверчиво упал мне на руку, и его теплый свет будто озарил и меня.

Я пройду по этим местам, я попробую стать ею, я сыграю ее, и в конце концов я пойму ее, а значит, смогу понять и то, где же она может быть. Для этого мне придется самой прочесть этот зеленый блокнот, преступить грань приличий и доверия. Но если я хочу сыграть ее – мне нужно это сделать...

Я вернулась в парк, присела на скамейку и начала читать.

«Сначала – бессонница, а потом страшная усталость начали одолевать меня. Днем еще было ничего, а вот к ночи поднималась температура. Я лежал и пытался уснуть, но ничего не получалось. Не помогли и таблетки. Голова гудела, тело становилось ватным, я лежал и смотрел в окно на быстро темнеющее зимнее небо в жалких отсветах фонарей. Я ослабел и был ни на что не годен. И даже опасался, что психика моя расстроена...

И тогда появилась эта идея написать о ней – все о ней, все, что я помнил. Мне так было легче, а еще, наверное, я очень хотел, чтобы она не уходила от меня. Потому что я знал: такой, как она, больше нет в этом большом и безумном

мире. И если она уйдет из моих мыслей, я упаду в пустоту – темную и страшную рваную дыру одиночества и отчаяния. Я упаду туда и тогда умру внутри, стану ходячим трупом.

Так я начал собирать свои воспоминания. Может, это спасло меня от болезни или безумия...

Итак, я встретил ее тогда, когда она еще не знала всей власти своей красоты, данной ей природой.

Место, где это произошло, как я сейчас понимаю, довольно обычно и даже пошло: популярный ресторанчик на окраине Вильнюса. Друзья хотели показать мне колорит страны: местные блюда, танцы, песни. Я приехал в командировку, обычный репортер – не без некоторой славы, но и без начального романтизма. Я успел постареть душой, что свидетельствует о некотором стаже в этой работе. Нет, я не стал черствым, скорее пополнил ряды самых несчастных романтиков этого мира. Журналисты кажутся черствыми, но на самом деле они не такие: они мечтают и чувствуют, может, даже глубже, чем все, потому что знают мир, а значит, знают, что наши мечты несбыточны. Или – будем милосерднее – считают, что есть один-два шанса на тысячу, что мечты исполняются. В порядке исключения.

Правда о мире не проходит бесследно. Но все же мы страстно желаем хотя бы исключений, потому что знаем: именно они, эти исключения, потрясают мир и не дают ему умереть.

Наверное, со мной случилось что-то подобное – что-то из этих исключений.

Впрочем, ничто этого не предвещало: я скучал, вежливо кивая головой и улыбаясь своим попутчикам, старавшимся угодить мне. Только мне все это было чужим: песни, танцы, разговоры за спиной на чужом языке.

Все сплеталось в разноцветные яркие картинки, и можно было сказать, что мы просто весело убивали время. А может, я тогда внутри ждал... Не знаю. Жаль, что я ничего не помню до того момента, когда к нам подскочила эта странная компания – несколько девушек и вдрызг пьяный парень.

– Сколько мужчин скучают одни!.. Ай-я-яй! – весело заворковала пухленькая брюнетка.

Самый главный из делегации сразу же вскочил:

– Девушки, оставьте нас в покое! Это журналист из другой страны. Почетный гость, что он подумает! – и еще добавил по-литовски. Что-то не очень приятное.

Впрочем, я тоже не прочь был от них избавиться, но, конечно, более вежливо. Я оглянулся и вдруг увидел ее. Не знаю, что на меня нашло: мы смотрели друг на друга, а может, это только я смотрел...

В общем, я подхватил ее и увлек в танец.

– Отпусти меня! – она рванулась от меня прочь, но я крепко держал ее.

– Отпусти меня! – повторила она, и голос у нее был хриловатый, с акцентом. – Вон две девчонки, иди к ним.

– Я тебе не понравился?

– Не знаю.

– Тогда почему?

– А я занята.

– С этим пьяным парнем? – я презрительно усмехнулся. – Он даже не сможет тебя домой проводить, не то что танцевать. Скорее тебе придется тащить его из ресторана.

И тут я поймал ее взгляд – твердый, сильный, даже фанатичный взгляд, и моя улыбка почему-то исчезла.

– Не беспокойся, он возьмет такси.

Но я не сдавался.

– Эй, ты возьмешь такси? – крикнул я пареньку.

Он посмотрел на меня пьяными, какими-то жалкими глазами:

– Нет, у меня нет денег...

– А как же твоя дама? Ведь поздно?

– Дама?.. Какая дама?.. А... Дойдет. На такси не дам денег.

– А ты не джентльмен! – съязвил я и, повернувшись к ней, сказал: – Он не хочет дать тебе денег на такси. Вот тип!

– Тогда ты дашь мне деньги! – уверенно сказала она и посмотрела мне в глаза. – Ведь ты дашь мне деньги?

И я под этим взглядом, словно дрессированный удав, полез в карман и достал бумажник. Она не сводила с меня сосредоточенного взгляда, будто я действительно был ей что-то должен и приходится следить, чтобы я ее не обманул.

– Хватит?..

– Хватит, – уверенно сказала она и небрежно бросила купюры в свою миниатюрную сумочку.

А потом махнула рукой пареньку:

– Кяйстус, пошли!..

Но он не двигался. Тогда она сама подошла к нему, подтянула, чтобы он стал на ноги, и так потащила к выходу. А я наблюдал за этим всем как дурак.

У дверей она обернулась в мою сторону:

– Оревуар, джентльмен! – послала мне изысканный воздушный поцелуй и исчезла.

Не знаю, что это было, – благодарность или насмешка.

Кажется, в тот вечер я сильно напился.

А вот утром, наглотавшись аспирина, бросился звонить в агенство такси. Я нашел ее, заплатив таксисту кругленькую сумму.

Нашел и стал наблюдать за ней. Вскоре я изучил ее несложный распорядок: раньше пяти вечера она не появлялась на улице. Я иногда брёл вслед за ней. Частенько она останавливалась возле очень смешного старичка – продавца счастья – и покупала у него яркие шары или о чем-то говорила, а иногда и смеялась вместе с ним.

Наконец я решил – остановил ее недалеко от парка.

Она узнала меня. Нахмурила брови и строго спросила:

– Что ты хочешь?

Я замялся, не зная с чего начать – с правды или лжи.

– Ну?

Она не давала мне подумать.

– Всего лишь хочу попросить у тебя прощения за то, что... – я почувствовал, что начинаю мямлить. Раньше со мной такого не случалось.

– Прощения... – она усмехнулась. – Ты очень вежливый. Знаешь, все вежливые такие скучные.

Я растерялся от этих слов. А вот она спокойно смотрела на меня.

Глаза у нее были красивые, ясные и строгие.

– Так ты хотел попросить прощения?

– Д-да...

– Так проси. Ну что ты стоишь, как истукан! Проси! – она усмехнулась.

– Извини, что был невежлив.

– Все?

– Вообще-то я хотел познакомиться. Как вас зовут?

Ее звали Эстель. Родители придумали ей совсем французское имя. Она дала мне свой номер телефона – легко и просто. Я, окрыленный, звонил, но вот только никто не подходил к телефону. Без всякой надежды я позвонил в последний раз – перед отъездом. И она подняла трубку. Я сказал, что уезжаю, моя командировка закончилась.

– А когда ты уезжаешь?

– Через час.

– Я приеду тебя проводить, – серьезно заявила она.

Этого я не ожидал. Не скрою, мне было приятно. Слабый огонек надежды загорелся в моей душе.

И она приехала на вокзал – за десять минут до отправления моего поезда. Приехала, как обещала.

– Тебя не было в городе? – осторожно спросил я. – Никто не подходил к телефону. Мне так хотелось поговорить с тобой. Мне было очень тяжело без тебя.

– Ты думаешь, всем легко? Всем тяжело. И мне, – взгляд ее вдруг стал далеким и тусклым, словно кто-то в темноте погасил последнюю лампу.

– Извини, я что-то не то сказал. Спасибо, что пришла меня проводить.

– Пожалуйста, – она пожала плечами.

Я не знал, о чем больше с ней говорить. Беспомощно оглядываясь вокруг, я вздохнул и сказал банальность:

– Осень пришла.

– Да, – она отвела светлую прядь волос от лица, и оно стало открытым и светлым. – Осень... – отчего-то повторила она. – Осень в Вильнюсе всегда красива...

... Вернувшись домой, я встретил девушку, из-за которой столько страдал до этой моей поездки в Вильнюс. Девушка хотела продолжить наши отношения. Раньше, наверное, я был бы на седьмом небе от счастья.

– Ты? – удивленно-радостно спросила она, встретив меня.

– Я, как видишь.

– Ты не отвечал на мои звонки!

– Был занят.

– Раньше ты никогда не был занят, когда я звонила, – обида проскользнула в ее голос.

– Раньше...

Теперь же она казалась мне какой-то безвкусной, словно мясо без соли или кофе без сахара.

Просто я ее уже не любил.

Я, наверное, очень жесток, если так мог подумать о ней.

Но тогда я не думал об этом. Каждый перерыв я звонил в Вильнюс. Помню как сейчас: дождь стучит в окно кабинки, а я кричу в телефон:

– Эстель, ты слышишь меня? Эстель!..

Она должна быть в это время дома. Ну вот, наконец!..

– Да. Что у тебя случилось, почему ты звонишь?

– Ничего не случилось. Просто хотел услышать твой голос.

– Услышал?

– Да.

У нее чуть хриловатый, но по-детски обворожительный голос. Может, из-за акцента. Я и теперь вздрагиваю, когда слышу такой голос.

– Да, еще... Я приеду в начале октября в Вильнюс.

– Зачем?

– Посмотреть на осень. Она всегда так красива в Вильнюсе. Так она там не закончилась?

– Нет. Листья падают и падают, падают и падают... – она вздохнула.

И я опять приехал в Вильнюс. Я привез ей книгу своих очерков. Хотя я теперь понимаю, что вряд ли ее могли интересовать мои очерки. Но к самой книге в твердой обложке со множеством страниц она отнеслась уважительно.

– А ты знаменитый, – сказала она даже с некоторой гордостью. – Никогда еще не знакомилась с известными людьми.

Это были наши самые мирные дни.

Мы ждали сеанса в «Fogime». И она заказала пирог с начинкой.

Смотрели «Ключ» – довольно страшный, мистический фильм, так что она испугалась и вцепилась в подлокотник кресла. Но ведь именно она выбрала этот фильм.

– Почему ты смотришь такие фильмы, если тебе страшно? – спросил я.

Она задумалась, потом ответила:

– Лучше испугаться в кино, чем в жизни. Когда посмотришь очень страшный фильм, не так ужасно то, что вокруг.

– Что тебя пугает?

– Нищета, плохие сны, удары в дверь, не те слова, прощание... Разве ты этого не боишься?

– Почему же. Но я не думаю об этом. Я обеспечен, у меня неплохая работа, квартира, я здоров, наконец.

– Ты прав. А вот я очень боюсь. В детстве у нас была такая игра – рисовались два квадрата: один назывался «счастье», а второй – «несчастье». Надо было поднять руку, закрыть глаза и мягко опустить кубик сверху на эти квадраты. Куда он упадет – значит, то и будет. Я очень не хотела играть в эту игру, но однажды меня уговорили. И кубик упал прямо на черту. Это бывало так редко, что все удивились. А я радовалась, что хотя бы все это закончилось. Ведь самое страшное – когда закроешь глаза и отпускаешь кубик. Сердце так бьется-бьется! Не сильно, а страшно быстро. Ведь эта граница между квадратами такая тонкая – всего одна полоска мела... Граница между счастьем и несчастьем... – она замолчала и задумалась, произвольно прижав руку к сердцу, словно только сейчас сыграла в эту игру. – О чем это я?.. Ах да, вот поэтому я очень боюсь... все такое непрочное... Даже камень – ведь его могут взорвать в секунду...

– Неужели все так плохо? – улыбаясь, чтобы подбодрить ее, спросил я.

– Нет, я не о том, – она повернула ко мне совершенно серьезное, сосредоточенное лицо. – Я о прочности. Ты не понимаешь.

– Отчего же – понимаю. Но я не считаю, что все вот так просто можно разрушить. Старые города стоят столетиями. Самый простой пример прочности...

– Старые города... На самом деле старых городов нет – все другое, одни камни остались.

– Так ты считаешь, что нет ничего прочного?

– Может, только сердце... – глаза ее смотрели куда-то вдаль. – Да, наверное, только сердце. Страшно подумать, что оно выносит...

Мы медленно шли по проспекту Гедиминаса. Вечерело. Ветер срывал желтые листья и бросал под ноги. Они горели, словно в огне, в отсветах первых фонарей. Я не спрашивал, куда мы идем. Мне было все равно, лишь бы идти рядом с ней. Проспект закончился, мы вышли к башне.

– Поднимемся?

Я кивнул, и мы начали взбираться вверх по каменным ступеням.

Отсюда открывался центр Вильнюса – старые дома и новые высотки. И отсюда совсем не было видно осени – только крыши, бесконечные крыши, церкви, башни замков.

– Я прихожу сюда, когда мне плохо, – вдруг сказала она. – И курю, хотя это запрещено.

Мы молча стояли и смотрели вниз. Холодало, и я накинул ей на плечи свою куртку. Она закуталась в нее, словно птичка в теплые перья.

– Пойдем! – вдруг встрепенулась она. – А то он уйдет.

– Кто? – удивился я.

– Продавец счастья! – и она потянула меня за руку. – Ну пойдем же!

И я подчинился ей. Вскоре мы прибежали на одну из улиц старого города.

«...– Десять литов за воздушный шар счастья! Взрослые и дети, грустные и смешные, маленькие и высокие, рыжие, лысые, умные, глупые, толстые, смелые, черные, белые!.. Воздушный шар счастья! Отправимся за счастьем?..»

Так я впервые встретился с ним – продавцом счастья на старой вильнюсской улице.

– Ты веришь во все это? – спросил я, покупая шары.

Она пожала плечами.

– Не знаю. Может, и верю. Если сомневаюсь, что не верю, – значит, немного все-таки верю, – и она засмеялась.

Да, это были наши самые мирные дни. Я даже решился спросить, как она ко мне относится.

Она примеряла какой-то пестрый пиджачок, который делал ее похожей на маленькую птичку.

– Очень хорошо отношусь, – ответила она, разглядывая меня в зеркало. – Ты красивый. Надежный. Умный. К тебе нельзя плохо относиться.

– Ну а тот паренек...

Она не дала мне договорить: вдруг резко обернулась, свела брови. Голос ее стал ледяным:

– Никогда не спрашивай о нем! Ты понял?!

– Да...

И я не спрашивал о нем никогда.

– Ладно, мне пора в клуб, – сказала она, наспех докрашиваясь перед зеркалом.

– Зачем? – удивился я.

- А я там работаю. Танцую. Я и еще девушки.
- Можно прийти посмотреть?
- Приходи.

И мы пошли в клуб. Она – работать. Я – смотреть на нее и думать о том, что дни этой осени, словно быстрая вода, текут сквозь пальцы, убегают от меня последними осенними дождями и листопадами, а я понимаю это и ничего не могу поделать...

...Она любила танцевать и в танце словно забывала все – себя, жизнь вокруг. Она погружалась в мир движений, отдавая ему всю себя. Может быть, она любила танцевать именно поэтому. Потому что в танце ей удавалось убежать от всего. Мне кажется, она постоянно пыталась убежать от чего-то очень грустного внутри себя, что не давало ей покоя...

А я смотрел. Сколько прошло времени? Не знаю, наверное, не очень много, но она вдруг появилась рядом и резко бросила:

- Собирайся, мы уходим!
- Ты так мало работаешь?
- Я уже здесь не работаю. Все!

Я взглянул на нее: она была чем-то расстроена.

- Что-то случилось?

Она замялась, потом все же решила рассказать:

– Хозяин прицепился к одной девушке, которая с нами танцует. И мы решили объявить ему бойкот. Ну а он ее уволил. И тогда я тоже ушла.

- А ты при чем?

– А я ушла потому, что несправедливо. Ладно, хватит болтать. Поторапливайся.

И она направилась к выходу из ресторана, а я – за ней.

Она стояла и курила на улице.

– Так ты уже не спешишь? – спросил я, удивленный переменой в ней: то она мчалась из ресторана, а сейчас вообще никуда не собирается – стоит и курит.

– Ты не понимаешь – главное было вырваться оттуда, из всей этой обстановки, этих запахов, этих столов, стульев, дверей – из всего, что ему принадлежало. Я не могла ни минуты там оставаться!

Тут к нам подошла другая девушка.

- А, вот и ты. Познакомься – это моя сестра.

Я удивился, так они были непохожи, даже можно сказать – противоположны друг другу. Хрупкая миниатюрная Эстель и полная, черноволосая ее сестра. Они заговорили о чем-то на своем языке, громко и возмущенно: наверное, обсуждали происшествие в клубе. Эстель не прогнала меня – и я шел за ними до самого дома. Только у подъезда они и заметили меня. От прощания меня спасло лишь то, что сестра Эстель забыла зайти в аптеку: у нее был маленький ребенок, и он теперь болел. Я принес нужные таблетки, и мы еще посидели все вместе на кухне: пили чай и говорили. Вернее, говорили больше они, а я слушал. Но все-таки пришло время прощаться.

- Можно, я завтра зайду? – попросил я без особой надежды.
- Конечно, заходи, – вдруг оживилась ее сестра.
- Ну ладно, приходи, – согласилась и Эстель.

И я пришел. Из разговоров с ее сестрой я узнал, что Эстель потеряла очень хорошую работу и непонятно, где она сейчас будет выступать. Наверное, опять будет мотаться по пригородам. А ведь ее деньги так помогали ей и «маленькому»...

Через день я пришел, нагруженный подарками: новая коляска, игрушки, одежда и все, что, мне сказали, нужно ребенку.

– Ты с ума сошел! – возмутилась Эстель. – Я запрещаю тебе вмешиваться в мою жизнь!..

– Эстель, это всего лишь гонорар за книгу. Это деньги, которые могли быть, а могли и не быть.

Она недоверчиво посмотрела мне в глаза. Я выдержал этот взгляд.

– Ну хорошо... – нехотя согласилась она.

И я прошел в гостиную.

У «маленького» – так мы его ласково называли – была температура.

– Не на кого оставить... – пожаловалась сестра. – А нам срочно нужно в город.

– Я посижу.

Они удивленно посмотрели на меня. И тогда Эстель сказала:

– Да, другие мужчины не такие, как ты. Они не будут няньками. Видно, ты сильно меня любишь.

С тех пор я каждый день просиживал у них, заботясь о «маленьком», подменяя их, когда они уходили в город. Я привязался к ним, словно к своей семье. Мы не говорили ни слова о любви, но я надеялся, что она за это время привыкнет и полюбит меня. Я очень ладил с ее сестрой, и в доме царил покой, мир и доброжелательность. Я приходил утром, сестра Эстель готовила мне кашу на завтрак, такая у них была традиция. С сестрой мы обсуждали планы на день: когда купать, кормить «маленького», когда вызвать врача и прочие нетрудные, но важные вещи. К обеду просыпалась Эстель – она была «сова»: не могла рано ложиться спать, поэтому допоздна пропадала в клубе или у друзей, мы ведь ее немного разгрузили, да и ей нужно отдохнуть... И она появлялась к обеду, который мы готовили вместе с ее сестрой. После обеда мне немного удавалось погулять по городу с Эстель: она любила прогулки. В это время мы мало разговаривали – совсем как люди, давно знающие друг друга, которым не нужно соблюдать этикет... А вечерами мы устраивались у телевизора, вместе смотрели какой-нибудь фильм, обсуждали его, часто смеялись.

Я полюбил эту квартиру, можно сказать, прижился в ней. И эта осень пролетела, как птица, махая желтыми, осыпающимися перьями листьев. Можно сказать, жар-птица.

Но вот этот день пришел. Ее сестра и «маленький» уехали в поликлинику. Мы остались одни. Я удивился, почему она сегодня рано проснулась.

– Привет, доброе утро! – весело сказал я.

Но она не улыбнулась в ответ. Она стояла передо мной и смотрела мне в глаза. Я всегда боялся таких вот ее взглядов: это значило, что ей что-то пришло на ум, она что-то увидела, отчего ей не по себе. Или у нее началась депрессия.

– Подумала, что это уже пора тебе сказать.

– Что?

– Нам нужно расстаться, – сказала она, серьезно глядя мне в глаза. – Спасибо тебе за все. Но уезжай.

– Почему? Что случилось?

– Знаешь, это необъяснимо. Потом ты поймешь, что я права. Иногда ты бываешь прав, а теперь я права. Я не такая умная, как ты, у меня нет особых талантов, но я знаю: мы не можем быть вместе.

Я не стал спрашивать почему. Я вдруг показался себе таким ничтожным... Словно березовый листок, утонувший в шумном листопаде этой осени. Осени в Вильнюсе.

– Буду тебя помнить, – только и смог сказать я. – Ну, прощай.

Она обняла меня – очень нежно, как-то очень мягко и бережно – и поцеловала. Чтобы не заплакать, я отвернулся и быстро пошел через парк к реке.

Потом, когда слезы успокоились на дне души, я оглянулся.

Она все еще стояла, и в ее глазах я заметил удивление. Да, удивление. Почему? Столько сладких и горьких вопросов я оставил в ней, что на этот нет сил отвечать. Может, оттого, что она все-таки любила меня – только второй любовью. У сумки есть второе дно, но им пользуются редко. Так и вторая любовь: она есть, но не пробуждается в сердце, потому что не уходит первая...

И потому я купил шарик на счастье и уехал.

Два года прошло, а я все не мог забыть ее. И не выдержал – опять приехал в Вильнюс, когда наступила осень.

Мне исполнилось тридцать лет, но внутри я отчего-то чувствовал себя намного старше. Я стал более сдержан, привык больше размышлять. Я не стал ей звонить: она могла рассердиться. И я занялся тем, что встречал и провожал свет в окнах ее квартиры, иногда шел за ней по улице, слышал, как она напевает, видел, как закуривает сигарету или танцует на пару с желтым листком в старом парке. Я видел ее, и во мне звучала невидимая музыка: она и осень, осень и она...

Но вот однажды музыка если не закончилась, то замерла на некоторое время: я увидел ее с ним, этим пареньком, теперь еще более худым, но не менее развязным. Они ссорились. Он замахнулся ее ударить. Кровь закипела у меня в жилах. Не знаю, что случилось бы, если б он ее ударил. Но он ее не ударил: она схватила его за руку, одернула, а он вдруг прижал ее к себе, и они поцеловались. С минуту они так и стояли обнявшись.

Пожалуй, это были самые мучительные мгновения в моей жизни.

...Есть любовь, которая воскрешает жизнь.

А есть любовь, которая останавливает ее навсегда. Останавливает навсегда твоё время. Она никого не жалеет, ничему не учит. И все же мы больше всего боимся, что она исчезнет...

Кажется, я подумал это, растерянно стоя у полок какого-то книжного магазина, куда пошел вслед за Эстель.

...Она любила бродить у полок с книгами, но всегда покупала только веселые открытки. Объясняла так: дома книги навевают грусть, а вот открытки – наоборот. От них стены становятся пестрыми и веселыми. Так она считала.

– Что ты здесь делаешь?

Я задумался и не заметил, как она подошла. Я посмотрел на нее: она ничуть не изменилась. Все такая же маленькая светловолосая птичка, которая по-прежнему любит пестрые наряды...

– Так зачем ты приехал? – она продолжала свой серьезный допрос.

– Я здесь проездом и ненадолго, – сказал я.

По сути, это была правда. Но если раньше я страстно стремился, чтобы она мне поверила, то теперь мне было все равно. Она может возмущаться, обвинять меня, может хохотать, ругаться – все равно она по-прежнему останется у меня внутри, потому что она уже давно настолько вжилась в меня, словно это моя кровь. Может, даже хорошо, что она подошла: я смогу еще мгновение смотреть на ее черты.

– Я ведь тебя просила... – она вздохнула. – Я же сказала тебе спасибо за внимание и заботу, но я не собираюсь себя насилловать: надеюсь, ты поймешь.

Она недовольно повернулась и пошла к выходу.

– Эй! – крикнул я вдогонку.

– Чего еще?

– А «прощай»? Ты не сказала «прощай»!

– Дурак... – и она хлопнула дверью.

Вслед за ней вышел и этот парень, копясь в кармане своей выцветшей куртки. Он обронил какие-то бумажки, а с ними – фото, но не заметил.

Они пошли дальше по улице – к остановке бело-красных троллейбусов. Она улыбалась ему. И я понял: она все еще любит его.

Его, несчастного...

Что это? Комплекс страданий? Искушение вины? Ненависть к спокойствию и счастью? Поиски приключений? Испытание судьбы?

Или просто: всегда непонятная, всегда необъяснимая, всегда неумолимо приходящая ко всем, как эта осень, любовь...

Но была ли моя любовь к ней такой же, как ее любовь к нему? И тут я поразился совпадению.

Зачем мы желаем того, что нам недоступно никогда?

НИКОГДА – это слово можно написать большими или маленькими буквами, все равно оно будет самым страшным словом на земле. НИКОГДА...

Но я уже приехал в эту осень, в этот город, в эту осень в этом городе. Приехал, и не было моих сил уехать отсюда. Приехал посмотреть на нее. Я радовался этим крохам, пока она меня не заметила еще раз: видно, я слишком плохой конспиратор.

– Опять?

– Да.

– Опять в командировку – проездом и ненадолго, примерно на месяца два? – спросила она с иронией.

– Похоже на то, – я подыграл ей, только вот при этом и у меня, и у нее глаза были слишком грустные для шуток.

– Ну что ж, трудись...

Я кивнул в ответ, не сводя с нее глаз: она стояла так близко от меня, что я чувствовал изумительный запах ее духов, видел мягкую, с легкой бьющейся венкой, кожу ее тонкой шеи, ее руки, сжимающие миниатюрную сумку, отворот куртки, брошенной на легкую майку, – все ее стройное, полное жизни тело; всю ее – такую близкую и такую недоступную...

Только вот сегодня она казалась совсем невеселой, даже несколько растерянной. Мне не хотелось ее оставлять наедине с мрачными мыслями.

– Можно я тебя немного провожу? – после некоторого молчания попросил я.

– Только немного.

– Хорошо.

И мы пошли по улице, которая выходила на проспект.

– Хочу зайти в магазин. Просто посмотреть.

– Ну почему же? – возразил я. – Выбери себе, что больше понравится.

– У меня нет денег.

– Я куплю.

Но она покачала головой:

– Нет.

Мы еще немного молча побродили с ней: по старому осеннему парку, возле реки Нерис, совсем заросшей рыжей, пожухлой травой, посетили маленькое стильное кафе на проспекте. И пришла пора прощаться.

– Пока, – сказала она. – И поезжай ты домой. Не мучай себя.

– Хорошо. Но ответь мне на один вопрос: почему ты не любишь меня, почему гонишь прочь?

Она вздохнула.

– Просто я поражаюсь, когда мы бываем страшно похожи или вдруг ужасно разные. Иди своей дорогой, у каждого она своя.

– И все же бывают перекрестки.

– Больше их не должно быть. Я долго думала, очень долго. И так решила. Было бы нечестно менять это решение, если я тебе уже давно сказала правду.

...За что я полюбил ее?

Она немного жестока, но честна: она никогда не станет врать; она боится, но не станет спасаться за счет других; она будет страдать, но не станет искать простого и спокойного; она не позволит покупать ей дорогие подарки, потому что не собирается лгать, платить своей совестью. Больше всего она хочет быть честна с собой и другими. И еще в ней есть боль: она чувствует все слишком остро. Боль – от далекого и несчастливого детства. Или оттого, что она честно хотела понять этот мир?... Или просто увидеть его наконец хорошим, но это у нее никак не получалось.

Она не похожа на всех, она странная, но второй такой нет в этом большом и безумном мире...

Стоит ли говорить, сколько раз я еще ездил осенью в Вильнюс... Стоит ли говорить, что я чувствую, когда наступает осень...

Далекий город манит меня, потому что ее образ неслышно и незримо парит над ним – его холмами, куполами церквей, красными крышами домов... Где-то там, в танце легких нарядных облаков; там, где рождаются дожди и листопады, – в самом сердце осеннего неба...

Хочу сказать, что я не стал выдающимся человеком. Что-то не сложилось, чего-то не хватило... Просто стал довольно богат. Я мог бы осчастливить многих, но... Как только я соберусь изменить свою жизнь, разогретый песнями весны и жаркой радостью лета, как только соберусь – и приходит она, осень... И возвращается она, моя любовь... Я думаю о ней, и вот что у меня получается:

...Любовь не церемонится. Забирает свои вещи из камеры хранения сердца – и уходит.

Куда же ты уходишь?

Оставь мне хоть что-то на память о себе – – – моя любовь. Ставлю пунктиры – словно протягиваю руки. Но мне уже не дотянуться до тебя. Ты развернулась и

ушла. И теперь идешь, смотришь вперед. И, конечно, поэтому не видишь, что я стою и протягиваю к тебе руки. Ведь ты не из тех, кто оглядывается.

И я снова иду, двигаясь без цели.

... Я все думаю, думаю о ней. Я знаю, что в этих мыслях нет никакого смысла, но это не останавливает меня.

Я смотрю, и мне кажется, что я вижу ее силуэт через окно модного магазина. Я бросаюсь за ней, в арку. Но нет, это не она.

От этого мне хочется в холодное осеннее утро, которое обрушивается на тебя ледяным душем, унося чувства, оставляя лишь холодное спокойствие.

А время идет...

Куда спешит это время?

Куда уходит осень?

Вот уже пришли дожди. А так осень тихая-тихая, и поэтому что-то должно родиться хорошее в мыслях. Я жду ... Может быть, просто хочу, чтобы моя жизнь для нее что-нибудь значила...»

Ну вот я и прочитала эту историю. И все теперь становится ясным. Ясным и в чем-то безнадежно похожим на мир, который изобретаем мы сами – романтики этой жизни...

И осень... Осень по-прежнему великолепна и светла. Она ничего не знает о нас – желто-красное полотно, на котором мы рисуем свою любовь...

Почему же она всегда возвращается, осень нашей любви? Что же это, как это объяснить?

Наверное, просто уходит время. Уходит время мечты, потом время любви, и приходит время воспоминаний и попыток все начать заново. Иногда эти грустные попытки убивают в нас веру нашей наивной юности, и нам уже начинает казаться издалека, что это был просто сон, какой-то замечательный сон, похожий на красивые старые кинофильмы. Вальс, который мы видели, но так и не танцевали. Вальс из желтых листьев, вальс из вихря каких-то необъяснимо верных слов...

Но вот эта осень, я приехала вновь – и вот же эта осень... И вальс этой осени снова звучит в моем сердце... И я даже не знаю, на что он похож – на счастье или боль, на грусть или радость. Только чувствую, что он вернулся. Значит, все это было. Было что-то изумительное и хорошее и в моей душе. А значит, можно и отпустить это быстрое, вечно ускользающее время. Больше оно не заберет ничего и никого из моей усталой памяти...

Я обязательно скажу ему это, обязательно... Ведь это та правда, которая не унижает утешением.

Зазвонил телефон.

– Я слушаю.

– Итак, как же наша договоренность?

– Пройти по всем местам, где она была?

– Именно так.

– Хорошо.

– Вы уже не злитесь на меня. Отчего?

Нет, не стоит говорить ему о том, что я прочитала этот зеленый блокнот. Прочитала и теперь жалею его – моего работодателя. И еще: мы с ним в чем-то очень похожи. Только вряд ли стоит признаваться в этом.

– Отчего? Просто... просто осень такая светлая...

Он молчит, но я слышу его дыхание. Что же он скажет в ответ на этот раз? Мне уже интересно – ведь я все знаю и, будто читатель романа, жду продолжения. Но он молчит, умолкает и телефон...

Что ж, пора мне отправляться в путь. И я иду – сначала к башне Гедиминаса. Поднимаюсь по тем же ступеням, так же задерживая дыхание. И вот он – осенний Вильнюс. Листья летят над гордом, и я зажигаю сигарету, будто я – это она. Ветер уносит легкий дым – словно несбыточные мечты. Но они не грустные, нет, скорее светлые и чистые, как этот листопад...

Догорает сигарета, и я чувствую, что я – это она. Теперь я это отчетливо чувствую. Я стараюсь понять ее. Конечно, я знаю, что человека до конца понять невозможно, но я очень стараюсь.

Я иду по проспекту и, неожиданно для самой себя, сворачиваю на эту узкую улочку старого города, где должен быть продавец счастья. Она ведь тоже любила продавца счастья.

И тут я слышу его голос, и что-то радостное оживает во мне.

«...– Десять литов за воздушный шар счастья! Взрослые и дети, грустные и смешные, маленькие и высокие, рыжие, лысые, умные, глупые, толстые, смелые, черные, белые!.. Воздушный шар счастья! Отправимся за счастьем?..»

Я не иду – я бегу к нему, словно, как в детстве, боюсь, что он неожиданно исчезнет, ведь он – почти волшебник: он дарит людям счастье.

– Здравствуйте! – кричу я, совсем запыхавшись.

– О! Рад вас видеть! – он оборачивается ко мне, и его смешные седые усы подпрыгивают в улыбке.

– Разве вы меня помните? – удивляюсь я.

– Я многих помню, вас тоже. Мне кажется, я запоминаю тех людей, которые тоже помнят меня и верят, что я не напрасно здесь стою. Они носят в своей душе тепло, любовь, а без этого счастья не бывать, сколько ни покупай моих шаров. И счастье к ним придет, обязательно придет. А сегодня и я наконец счастлив. У меня уже седые усы, но только теперь я счастлив! Я дождался своего счастья.

– Что же произошло?

– У меня родилась внучка! Представляете – внучка! Долгое время у моей дочери не было детей – и вот наконец: внучка! Моя внучка...

Слезы счастья появились у него на лице. Ему будет для кого жить. У него словно поселилось в душе маленькое солнце. И это прекрасно.

– Ну, раз сам продавец счастья стал счастливым человеком, тогда действительно счастье есть. Пожалуй, я и дальше буду покупать у вас шары.

Я улыбнулась, а он вручил мне нарядные шары. Посмотрев на них, я увидела, что они оранжевые, под стать этой осени.

И я уже сама набрала номер.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Нет. Просто я купила шары у продавца счастья.

Он долго молчал, услышав эту новость. Потом не выдержал, спросил:

– Какие они?

– Осенние.

Я услышала, что он вздохнул. Или усмехнулся. В любом случае, это были воспоминания. И я подумала: самые счастливые наши с ним воспоминания – это воспоминания о наших встречах с продавцом счастья. Или – с нашей надеждой, что, в принципе, одно и то же.

– Куда вы сейчас направляетесь?

– Буду бродить по городу. Зайду в магазины, где она бывала, может, кто-то ее вспомнит...

– Да, пожалуй, зайдите в магазины... – в его голос опять вернулась грусть, и он выключил телефон.

Впрочем, такова наша жизнь – пестрое покрывало, шитое разными нитками радости и печали...

За эти несколько дней я прошла теми местами, где могла быть она – эта странная девушка чужой осени. Никто ничего не слышал о ней, но один человек сказал, что я на нее очень похожа. Внешне. Наверное, это была шутка, но все же я присмотрелась к себе и сравнила с той фотографией. Это стало для меня открытием – действительно, мы похожи во многих чертах. Вот только в сути своей мы – разные.

Потом я достала фотографию и снова, но уже более внимательно, посмотрела на эту девушку. Она улыбалась в камеру, но улыбалась словно не для себя. И вдруг я поняла – она улыбалась тому, кто фотографировал ее. Но кто это был? Тот парень? Я совсем о нем забыла. Как же это деликатно расспросить о нем – издалека, исподволь, будто я не читала зеленого блокнота?

Я набрала номер, хотя было довольно поздно.

– У меня есть идея, как найти ее. Идея, которую я хочу проверить. Мне кажется, это верный ход.

– Что?

– Дело в том, что я сейчас внимательно изучила фотографию. Хочу спросить: кто её фотографировал?

Я услышала, как он вздохнул – тяжело и устало.

– Вы думаете, я дурак? Я и сам это понял. И тоже хотел бы знать, кто был этим человеком. Это тупик. Лучше пройдите ее местами – вдруг кто-то слышал о ней.

– Но я побывала почти везде.

– Почти? – в его голосе слышалась то ли крайняя усталость, то ли раздражение, вызванное моим вопросом. Или что-то еще, неизвестное мне, мучило его.

– Да, я безрезультатно побывала почти везде, кроме того ночного рестораника...

Он не дал мне договорить, перебил резковато:

– Тогда отправляйтесь. Как раз подходящее время: полночь. Они только начинают работу. У вас все?

– Да.

– Ну так поезжайте.

– Хорошо. Но только еще один, последний вопрос: вы действительно по-прежнему хотите найти ее?

– Конечно.

– Вы уверены?

– Да.

– А если... – дикая мысль внезапно пришла мне в голову.

– Если что? – его голос зазвучал тревожно, словно он уже догадался, о чем я хотела его спросить.

– Если... Если она мертва? Вы захотите узнать об этом?

– Она не может быть мертва!.. Не может, вы поняли?! – он почти кричал в трубку.

– Откуда же вы это знаете? Всякое может быть...

– Она жива. Продолжайте поиски! – и он выключил телефон.

Этот разговор оставил странный осадок у меня в душе. Мне казалось, что я раскрыла все тайны, но теперь у меня возникло ощущение, что самое главное мною не только не разгадано, но я даже не предполагаю, в чем оно может заключаться. Какая-то странная, глубокая загадка, будто двойное дно всей этой истории.

Но сейчас мне уже некогда размышлять над всем этим: я должна выполнять условия договора – собираться в этот ночной ресторанчик, хотя в душе у меня поселилось странное убеждение, что и там я ее не найду...

Но я все же отправилась в этот ресторанчик, вернее, ночной клуб. Демонстративно захватила оранжевые шары, купленные накануне у продавца счастья, и пошла отбивать время в этом малоинтересном для меня заведении.

Как я и предполагала, девушку на фото узнали старые завсегдатаи, но сказали, что давненько ее не видели и не знают, где она может быть.

Я уселась за стойку, заказала напиток. Гремела музыка, в танце извивались бесконечно меняющиеся пары, и через час-полтора я поймала себя на ощущении, что ритмы и шум совершенно успокоили мои нервы. Они потеряли чувствительность, все внутри было расслабленным и вялым. Музыка вживалась в сознание, мелькающие разноцветные огни уже не били в глаза. Мир казался таким спокойным и веселым, потому что здесь все отдыхали от напряженной жизни...

Может быть, именно этого она искала здесь, просиживая остаток ночи после танцев?..

Но чтобы спросить об этом, нужно найти ее. Или того парня, о котором я узнала из зеленого блокнота. Неужели мой работодатель никогда так и не поговорил с ним? Или он что-то скрывает? Что-то, связанное с этим парнем. Но чтобы узнать все это, придется признаться, что я прочитала-таки этот зеленый блокнот. Не очень приятное решение, но все же я – сыщик. И мне платят деньги совсем не за уроки по этикету.

С этой мыслью в шесть часов утра я покинула ночной клуб, честно досидев до его закрытия.

Над Вильнюсом прорезалось обычное холодноватое осеннее утро. В последних остывающих огнях таял белесый туман, оседая на серых камнях старых зданий. Моя вялость постепенно исчезала, уступая место желанию просто спать – спать долгим осенним сном. Мне будут сниться листопад над Вильнюсом, оранжевые шары счастья и эта странная девушка, которая где-то есть в этой вильнюсской осени. Я вижу ее – она бежит, нет, скорее летит над еще сонным городом, и в тумане проступают ее легкие следы. Она оборачивается, я смотрю на ее лицо. Она качает головой, словно запрещает мне следовать за ней. И поднимает палец к губам, будто этим знаком просит меня: молчи, никому ничего не говори, тебе нужно спать, спать...

Я протягиваю к ней руки, и вдруг упираюсь в спинку сиденья: я в такси, я задремала и увидела ее. Впрочем, ничего странного в этом нет: я так много думаю о ней, поэтому и увидела ее...

Но ни сон, ни видение, ни мои размышления над ее характером – ничто не помогло мне догадаться, где же ее искать.

Итак, придется звонить и признаваться в том, что я читала блокнот. Наверное, он разозлится и прикажет мне уезжать: кому понравится излишнее любопытство в таких делах. Но я – сыщик. Я сделала все, что могла. И даже этот нелюбимый поступок.

Что ж, стоит признать, что я еще и с сожалением прощаюсь с этим блокнотом, ведь он в некоторой степени помог и мне понять себя и то, что случилось со мной одной вильнюсской осенью... И я, не выдержав, решила перечитать самое светлое – начало этой истории.

И тут... Тут я вдруг поняла, где я не побывала. В самом важном месте – том ресторанчике в литовском квартале, где он впервые встретил ее.

И я с блокнотом в руке побежала ловить такси. Таксист должен подсказать мне, они знают все эти заведения.

Я оказалась права, и вскоре уже выходила у одного старого ресторана.

– Раньше здесь было отличное заведение, а потом построили рядом шикарный ночной клуб с казино и дискотекой – конкуренция неравная, – пояснил мне таксист. – Теперь сюда мало кто заходит, разве что завсегдатаи. А в это время так и вообще, наверное, пусто.

Но таксист не угадал: в зале было несколько посетителей. Я подошла к старому бармену: уж если он не помнит, то не помнит никто, – и показала фотографию. Он надел очки, взглянул на фото, а потом показал рукой в глубь зала:

– Так вот же она.

– Где?

Я не заметила никого похожего.

– Вот, за столиком у окна.

Я еще раз оглянулась и увидела невысокую худенькую женщину, не отрывающую взгляда от окна.

Я с трудом ее узнала. Она страшно изменилась, я даже не поверила, что это она: худая, постаревшая, с выцветшими глазами.

– Здравствуйте, – я назвала себя и его имя.

Она медленно повернулась ко мне.

– Вы его помните? – я опять назвала имя моего работодателя.

Она кивнула.

– Он просил с вами встретиться.

– Да? – взгляд ее был по-прежнему равнодушным.

– Давайте присядем и поговорим. Простите, но почему вы все стоите у окна?

– Я слежу, как заканчивается день моего рождения. Уходят минуты, уже последние минуты. Все. Начался новый день...

Все же она присела за столик – грязноватый и старый, как все в этом доживающем век баре. Достала «траву». Увидев мое удивленное лицо, еще раз недовольно пояснила:

– Повторяю: у меня день рождения, так что нечего на меня смотреть. Я с детства в свой день рождения делаю то, что хочу. Говорят, что наркоманы – дураки,

курят всякую дрянь. Нет, они не дураки. Они делают себе самые дорогие подарки: приближают к себе людей, которых на самом деле нет, но ужасно хочется, чтобы они были рядом. Особенно в твой день рождения. Люди делаются четче, приближаются к тебе, ты можешь их обнять, даже если их нет в живых. Ты можешь хохотать с ними до упаду, бегать наперегонки, целоваться, спорить, мечтать... Его ещё нет, но через минуту он будет со мной.

Она набивает в папиросную бумагу измельченную траву, перемешивая с табаком. Пальцы ее дрожат. Она затягивается глубоко-глубоко, слегка задерживая дыхание, чтобы все попало в легкие, а потом – в кровь...

– А потом?..

Она смеется:

– Потом все теряется. Нельзя дарить себе подарки бесконечно. Потом нужно все больше курить, чтобы достигнуть счастья. Ну а еще потом – курить для того, чтоб хотя бы ходить, открывать глаза, двигать руками... За все надо платить. Вы осуждаете меня?

– Никто не имеет права никого осуждать.

– А что же вы чувствуете? – с интересом спрашивает она.

– Пожалуй... Как это ни странно, я рада, что нашла вас. Я чувствую облегчение, что мне не пришлось искать мертвого человека.

Она вдруг стала серьезной.

– Так мне никто не говорил. Мне, наверное, слишком много говорили очень хороших или очень плохих слов. И я со снисхождением относилась к обожанию одних и к ненависти остальных.

Я протянула ей блокнот:

– Он просил передать. Это все о вас.

– Блокнот? Нет. Наверное, мне не стоит брать его, – она с сомнением покачала головой.

– Почему? – удивилась я. – Это ведь все о его любви к вам. Вам неинтересно?

– Нет. Слишком много слов. Слова заставляют задуматься о жизни. А я этого не люблю.

Что-то жестокое вдруг появилось в ее глазах, но потом они снова потеплели, и она продолжила: – Но вы не огорчайтесь: он поймет. Он знает, что я вообще странная. Удивляюсь только, зачем он передал для меня блокнот. Неужели это можно представить: я задумчиво читаю о времени, которое давно прошло.

Она хрипло рассмеялась, а потом закашлялась.

В это время бармен принес коктейли.

Она начала судорожно пить. Потом ей стало лучше, она взглянула на меня, и тут вдруг ее лицо на мгновение озарило то самое задорное, яркое, летящее в мечту выражение – как тогда, на фото. Озарило – и погасло.

– Идите, мне нужно побыть одной. У каждого свои воспоминания, – глухо сказала она и отвернулась к окну, за которым облетала вильнюсская осень.

Облетала осень, как наша молодость и любовь. И поэтому лучше никогда не возвращаться к прежнему.

Я вышла из ресторана. В моих руках был все тот же старый зеленый блокнот. Я посмотрела на него и, словно эхо, вновь услышала эти слова, сказанные ее хриловатым, насмешливым голосом: «Удивляюсь, зачем он передал для меня

блокнот. Неужели это можно представить: я задумчиво читаю о времени, которое давно прошло...»

Действительно, как же я не подумала об этом раньше? О том, что это выглядело довольно надуманно и странно – его просьба передать этот блокнот. Записки о том... Она это очень точно сказала – о времени, которое прошло. Но мой работодатель – не тот человек, который не почувствовал бы фальши. Тогда зачем он все это придумал? Или... Тут новая, не менее шокирующая догадка родилась в моем сознании: может быть, этот блокнот был предназначен не для нее?..

Тогда для кого?...

В растерянности я побрела по незнакомому старому закоулку. Здесь, видимо, давно не работали дворники: листья ковром рассыпались под ногами, покрывали ступени, ведущие на большую улицу, где шумели машины и не было тишины – спасительной осенней тишины, в которой так хорошо нашим воспоминаниям. И нет странных мыслей, нет странных совпадений, от которых не уйти... А так хотелось бы уйти, забыть обо всем и думать, как старый продавец счастья, что все мы найдем свою любовь и радость...

Я остановилась – просто послушать тишину, шорох осенних листьев, играющих с ветром. Но... Скорее интуитивно я уловила шаги. Кто-то идет следом за мной. Я почувствовала его присутствие. И неожиданно резко обернулась. Каково было мое удивление, когда я увидела ... его.

– Это вы, мой работодатель?

– Я.

– Вы в Вильнюсе? Зачем?

Он улыбнулся, и я заметила, как он постарел и осунулся за то время, что прошло с нашей первой встречи.

Поискав в карманах, он нашел сигареты и закурил.

Я понимала, что ему нелегко, но все же ждала объяснений. И он это понимал.

– Неужели вы думаете, что я нанял бы вас, если бы мне действительно нужно было бы найти ее? Я нанял бы кучу ищеек, я перевернул бы все. Причина в другом: я увидел вас, вы очень похожи на нее внешне. И я хотел, чтобы вы прошли ее местами в этом городе, будто она – это вы. И еще: мне показалось, что вы тоже кого-то потеряли в этом городе. Это сблизило меня с вами. Я навел справки: вы жили раньше в Вильнюсе. Осенью 19... – и он точно назвал год, связанный с моим Вильнюсом.

– Я нашла ее в клубе, – решила я сказать ему правду.

– Я знаю. Я шел за вами все это время. Вы неплохой сыщик. Но это не главное. Вы нашли ее, но это не она. Вернее, она, но не та, которую я так долго хранил в памяти. Вы похожи внешне.

Я наблюдал её падение. Я сам обрек себя на муки. Как я хотел вернуться в то время, когда мы были молоды и все только начиналось! И тогда я придумал все это. Поэтому я вас и нанял – пройти за нее этими улицами... Раньше я не до конца понимал, зачем я решился это сделать. Теперь я знаю: это было мое прощание с ней. Больше мы не увидим друг друга. Буду ей помогать, но видеться мы не должны, иначе я сойду с ума.

Он замолчал и посмотрел куда-то вдаль, будто на минуту заглянул в прошлое. Я не торопила его.

– Да, еще... Вы ведь прочли всё, что написано в этом блокноте?

– Прочла. Впрочем, вы и не думали, что она его возьмет.

– Вы правы. Может, я хотел, чтобы его прочли вы. Чтобы кто-то меня понял – вечное желание человека не остаться наедине с собой, найти если не внимательного слушателя, то хотя бы внимательного читателя. А вы не хотите узнать продолжение этой истории?

– Отчего же? Даже очень.

– Тогда присядем. Вон туда, на эту совершенно заметенную осенью скамейку. Так сказать, будем полностью во владениях этой вильнюсской осени, – он слегка улыбнулся. – Итак, все не закончилось, как вы уже догадались. У этой истории, как у многих историй любви, есть продолжение по одной простой причине: мы не желаем, чтобы все закончилось, и тогда история становится длиною в жизнь...

Стоит ли говорить о том, что каждую осень я приезжал в Вильнюс. Стоит ли говорить, какие чувства просыпаются во мне, когда приходит осень. Впрочем, мы не виделись пять лет, а потом позвонила ее сестра: Эстель попала в больницу. Я приехал и начал им помогать, иначе не знаю, на что они жили бы вообще. «Маленький» подрос за это время, но я его по-прежнему так называю и очень люблю. Знаете, он как-то спросил, почему взрослые бегают быстрее, чем дети. Безобидный вопрос, но я неожиданно подумал: ведь взрослые делают намного большие шаги. И гордятся этим. А если бы мы делали в жизни намного меньшие шаги, мы бы шли медленнее и молодость оставалась бы с нами подольше. Но мы слишком поздно понимаем это, да и, собственно, изменить ничего нельзя... Вот и Эстель... Уже десять лет прошло, как она перестала быть похожей на ту Эстель, которую я знал. Я думаю об этом времени, и мне кажется, что мы прожили последние годы из этих десяти так, как я когда-то хотел: вместе, как супруги – в горе и радости зная все друг о друге, поддерживая и утешая. Прожили, даже не подозревая об этом. Она уже не прогоняла меня, но меня не покидало ощущение, что она меня словно не видит, не замечает. Это медленно убивало меня. А может, она немного презирала меня за то, что я не находил в себе сил уйти от нее. Впрочем, я сам во всем виноват. Я сам виноват в том, что приучил себя к несуществующей любви... Любви, которой не могло быть. И этим разбил свою жизнь да еще заставил себя наблюдать, как угасает та, которую я любил. И вот теперь, этой осенью, я решил попрощаться. Но в этом прощании я хотел запомнить ее другой – молодой, прежней. Вы похожи внешне. И поэтому я попросил вас пройти местами нашей молодости и моей любви. Вы сердитесь на меня?

Я посмотрела в его глаза – глаза человека, глубоко ушедшего в прошлое. Любимые наши, подумалось вдруг, где-то ходят по этим осенним вильнюсским листьям. И мы ходим теперь, получается, тоже. Словно по невидимой тропе друг к другу. И от этого теплее. И почему-то очень хочется радоваться. И я ответила:

– Пятью минутами раньше я на вас действительно разозлилась: вы заставили меня искать человека, который не пропал. Согласитесь, это дурацкая ситуация. А сейчас... Нет, пожалуй, я на вас не обижаюсь. Мне даже пришла в голову странная мысль, когда я листала этот зеленый блокнот, думала об Эстель, ходила ее любимыми улицами: дело в том, что мы знали одних и тех же людей в этом городе, бродили одними и теми же местами, дышали и любовались одной осенью, и наши судьбы словно сплелись вместе... Кстати, продавец счастья стал наконец счастлив и сам: у него родилась внучка.

– Что ж, пожалуй, это самая лучшая новость за всю эту мучительную и все же пронзительно радостную осень в Вильнюсе. Предлагаю отметить это событие.

Мы поймали такси.

– Куда вас отвезти? – спросил таксист.

Честно говоря, мы и сами не знали. Знали только одно: это должно быть совершенно новое место.

– Скажите, может быть, в этом году где-то открылся новый ресторан?

В ресторане, к которому он подвёз нас, мы нашли для себя то, что искали. Все здесь было ультрамодным, презентабельным и – что самое главное – совершенно незнакомым.

Мой работодатель по моей просьбе заказал блюда на свой вкус. Мы молча ели, но я видела, что он хотел поговорить. Но... Раз мы уехали от воспоминаний, значит, мы не должны говорить о прошлом. Это словно новая игра, и, кажется, я нашла в ней решение.

– Знаете, – сказала я, – давайте говорить о настоящем или будущем. Мы ведь о них так и не поговорили. Что же вы молчите?

– Просто у меня сейчас такое состояние, которое трудно объяснить в нескольких словах. Впрочем... Вы когда-нибудь бродили по маленькому городку в первых проблесках рассвета? Никого нет, пусто, тихо, сонно... Вот так и у меня теперь на душе.

– Уезжайте из этого города.

– Куда?

– В город, где нет осени.

– А вы можете назвать город, в котором есть только весна?

– Ну, где-нибудь далеко на юге. В Африке, например.

– То-то и оно. В Африке. Нет, с Африкой у нас ничего нет общего. Я вырос в таких вот северных местах. Я рос и жил в городах, где всегда были осень и зима, где в долгие сумерки и холода привыкали ждать весну. И я буду ее ждать, как в детстве и юности. Впрочем, не знаю. Может быть, стану когда-нибудь другим и уеду. В вашу хваленую Африку, – он помедлил, словно вглядываясь в будущее. – Впрочем, вот ваш гонорар. И спасибо. Не обижайтесь на меня.. – Усмехнувшись, добавил: – До встречи вечной весной в Тунисе.

И ушел. Я не стала его удерживать.

Над городом прошел дождь. Было тепло, и пахло свежестью – от чистого неба и умытой земли – как весной, когда мы снова будем молоды и красивы, полны сил и надежд...

Когда я думаю о любви, я приезжаю осенью в Вильнюс. Не знаю, встретимся мы когда-нибудь или нет, но осень в Вильнюсе останется с нами навсегда. Осень над всеми его холмами, виадуками, старыми башнями. Холодноватая на рассвете, солнечная и даже жаркая днем, остывающая и спокойная вечером, в предночных огнях.

Такси несет меня по этому старому городу, так и не понятому мной, – городу, в котором осталась часть и моей жизни.

Когда я уезжала из Вильнюса, пошел первый снег...